

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-2-9-20

Тинтин Бао

Санкт-Петербургский государственный университет,
199304 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

К творческой истории «Сентиментальных повестей» Мих. Зощенко

В настоящей статье рассматривается творческая история «Сентиментальных повестей» М. Зощенко с помощью текстологического подхода. Первые публикации каждой повести сравниваются с вариантом 1936 г. в нескольких аспектах: эстетическом, стилистическом, идеологическом и цензурном. Цель статьи – выявить эволюцию эстетических и мировоззренческих установок Зощенко, выдвинуть предположения о причинах переработок и тем самым приблизиться к более глубокому пониманию текста.

Ключевые слова: М.М. Зощенко, «Сентиментальные повести», текстология, творческая история, цензура

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Бао Т. К творческой истории «Сентиментальных повестей» Мих. Зощенко // Рема. Rhema. 2022. № 2. С. 9–20.
DOI: 10.31862/2500-2953-2022-2-9-20

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-2-9-20

Tingting Bao

Saint Petersburg State University,
St. Petersburg, 199304, Russian Federation

Towards the textual history of Mikhail Zoshchenko's “Sentimental Stories”

This article examines the textual history of M. Zoshchenko's “Sentimental Stories”. The first publications of each story are compared with the 1936 version in several aspects: aesthetic, stylistic, ideological and censorial. The aim of the article is to elucidate the evolution of the author's aesthetic and ideological attitudes, to suggest the reasons for the revisions, and thus to deeper understand Zoshchenko's text.

Key words: Mikhail Zoshchenko, “Sentimental Stories”, textology, textual history, censorship

FOR CITATION: Bao T. Towards the textual history of Mikhail Zoshchenko's “Sentimental Stories”. *Rhema*. 2022. No. 2. Pp. 9–20. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2022-2-9-20

1. Введение

«Сентиментальные повести» – цикл Зощенко 1923–1930-х гг., состоящий из четырех предисловий и восьми произведений. Они вошли в сборник 1936 г. «Мих. Зощенко. Избранные повести». В раздел II, озаглавленный «Сентиментальные повести», были включены четыре предисловия и шесть текстов в хронологическом порядке: «Аполлон и Тамара» (1923), «Люди» (1924), «Страшная ночь» (1925), «О чем пел соловей» (1925), «Веселое приключение» (1926), «Сирень цветет» (1930). В разделе III была помещена повесть «М.П. Синягин» (1930) с предисловием. Наконец, в раздел V, озаглавленный «Первые повести», были помещены повести «Мудрость» (1924), «Рыбья самка» (1923) и «Коза» (1923). Из второго издания «Избранных повестей» (1937) повесть «Рыбья самка» была исключена. Обособление «Мудрости»

и «Козы» может быть объяснено тем, что эти две повести «основываются на чистой, “голой” фабуле и тем самым ближе к традиции классической новеллы. Принципиально важная для Зоценко 1920-х гг. партия повествователя здесь отсутствует» [Сухих, 2008, т. 3, с. 594–595].

Вариант 1936 г. считается «последней авторской редакцией книги» [Там же, с. 584]. Обычно последнее прижизненное издание является основным текстом и служит эталоном для дальнейших изданий. Однако механически приравнивать издание, выражающее последнюю авторскую волю, и последнее прижизненное издание – грубая ошибка, поскольку следует учитывать в тексте также и комплекс правок, связанных с редакцией, цензурой и автоцензурой.

Текстологическое исследование является ступенью к постижению истории текста. Некоторые ученые уже внесли большой вклад в это направление. Анализируя рукописи повести «М.П. Синягин», М.О. Чудакова отметила стилистическую особенность: «Рукописи показывают работу писателя, специально направленную на дисгармонизацию повествования» [Чудакова, 1979, с. 67]. Отдельные наблюдения над особенностями рукописи повести «М.П. Синягин» представлены в работе В.Ю. Вьюгина [Вьюгин, 2001]. На всесторонних разысканиях основан текстологический комментарий И.Н. Сухих в издании «Сентиментальных повестей» 2008 г.: «Зоценко, как правило, вычеркивал или вписывал отдельные слова или фрагменты и лишь в редких случаях варьировал текст, менял синтаксические структуры. Большинство изменений в повести – дополнительные характеристики времени и героев, разъясняющие философские пассажи» [Сухих, 2008, т. 3, с. 588].

Наблюдения, содержащиеся в перечисленных работах, имеют несомненную ценность, но не составляют ни классификации переработок, ни системного обобщения их своеобразия, ни обоснования причины правки.

В настоящей статье предлагается попытка сравнения первой печатной публикации каждой повести с изданием 1936 г. в нескольких аспектах: эстетическом, стилистическом, идеологическом и цензурном. Цель статьи – выявить эволюцию эстетических и мировоззренческих установок Зоценко, выдвинуть предположения о причинах переработок и тем самым приблизиться к более глубокому пониманию текста.

2. Стилистическая правка

По сравнению с первой публикацией в варианте 1936 г. был сделан корпус изменений, связанных со стилистической правкой. Эти изменения не всегда следуют эстетическим установкам Зоценко, а некоторые даже противоречат воле автора. Б.М. Сарнов отметил: последнее

прижизненное издание Зоценко «гораздо чаще отражало не волю автора, а волю редактора» [Сарнов, 1994, с. 50]. «Едва ли не каждый редактор норовил выправить ту или иную зоценковскую фразу, чтобы она звучала более литературно, более “прилично”, более грамотно. В результате едва ли не каждое последующее прижизненное издание Зоценко в текстологическом отношении оказывалось хуже предыдущего» [Там же, с. 51].

При сравнении двух вариантов текста выделены и систематизированы следующие типы стилистических изменений.

2.1. Нейтрализация сказа

Некоторые разговорные слова в варианте 1936 г. заменены более литературными.

Пасть заменена на *рот*, *морда* – на *физиономию/лицо*, *пухнет* – на *околевает*, *погнать в три шеи* – на *выгонять*, *очень ахнула* – на *удивилась*, *выкорчевать морду* – на *плеснуть в лицо*, *деньжата* – на *деньги*, *надрался* – на *выпил*, *аховые* – на *малосимпатичные*, *сукинсыństwo* – на *подлость*, *навряд* – на *вряд ли*, *спереть* – на *стянуть*, *завсегда* – на *всегда* и т.п.

2.2. Правка, делающая фразы

более логичными и лаконичными

По наблюдению М.О. Чудаковой, в рукописи несколько авторских поправок направлены на дисгармонизацию повествования. Например, в рукописи повести «М.П. Синягин» можно найти «много вставок, и каждая из них преследует одну из двух целей (или обе): во-первых, распространить фразу, сделать ее более многословной, во-вторых, привести к тавтологии, повторам, разного рода несообразностям» [Чудакова, 1979, с. 67–68].

Однако по сравнению с первым вариантом, в варианте 1936 г. наблюдается немало исключенных повторов, тавтологий и плеоназмов: *Очень такой исключительной* заменено на *весьма, очень даже великолепно* – на *отлично*, *форменная бредня и вздор* – на *форменный вздор*, *вот сейчас и сию минуту* – на *вот сейчас, сегодня же, всегда завсегда* – на *всегда*, *голый и нищий* – на *нищий*.

Язык Зоценко всегда вызывал споры и читательское недопонимание, воспринимался как «некультурный». Сам писатель объяснял это следующим образом: «С одной стороны, мне надо было максимально достичь моего читателя, а с другой стороны, я подошел к языку сатирически, т.е. я посмеялся над искаженным языком, на котором многие говорят» [Зоценко, 2015, с. 69].

«Неграмотный» язык в художественном мире Зоценко несет художественную нагрузку сразу в нескольких аспектах.

Во-первых, это пародия и комизм. Юмористический стиль может строиться на «лишних» словах. Повторы, многословия, оговорки имеют важное стилистическое значение в изображении *спонтанной устной речи*. Установка на устную речь является важным признаком сказа. После правки комическое своеобразие и многие сказовые элементы были устранены.

Во-вторых, говорящий субъект – полуинтеллигент, в его речи неизбежно используются элементы разных литературных стилей.

В-третьих, язык является прямым отражением психологического состояния человека. «Некультурность» представляет собой «широкий комплекс психологических черт и экзистенциальных установок» [Щеглов, 1994, с. 237]. Через призму хаотичной, внелитературной речи проявляется душевная дисгармония повествователя и персонажей.

Однако эти языковые особенности часто вызывают недопонимание. Из-за давления со стороны читателей и критиков Зоценко пришлось снимать «утрировку»: «читатель (главным образом колхозник) делает большой нажим на меня в этом смысле. За последний год я получил много писем от читателей, которые просят меня вычеркнуть из моих старых рассказов “некультурные” слова (такие, как, например: жрать, скотина, подохли, морда и т.д.)» [Зоценко, 2015, с. 69].

Устранение «неграмотных» слов и нелитературных словосочетаний свидетельствует о попытке Зоценко приспособиться к требованиям времени и стремлению отгородиться от нападков. В таких правках явно ощущается самоцензура писателя.

2.3. Психологическая детализация

Помимо вышеперечисленных изменений, в позднем варианте присутствуют и творческие. Например, в повести «Коза»: в варианте 1936 г. по сравнению с первой публикацией сделано около 50 изменений. Переработки по преимуществу направлены на детализацию описания.

Зоценко добавил комплекс наречий образа действия: *крепко, грустно, печально, тихонько, торжественно, ужасно, строго*, а также глаголы движения с префиксом *по-*, подчеркивающие пассивность, повторяемость действий Забежкина и его психологическое состояние. Ср.:

И Забежкин пошел к телеграфисту. – Пардон, – сказал телеграфист, – я ухожу скоро [Зоценко, 1923б, с. 147]. → *И Забежкин пошел домой. Он долго ходил по своей узкой комнате, бубнил под нос невнятное, размахивая руками, потом вынул из комода сапоги*

и, грустно покачивая головой, завернул одну пару в бумагу. И пошел к телеграфисту. В комнату Забежкин вошел не сразу. Он постоял у двери Ивана Кирилловича, послушал. Телеграфист кряхтел, ворочался по комнате, двигал стулом. Сапоги чистит, подумал Забежкин и постучал. Точно, телеграфист чистил сапоги. Он дышал на них, внимательно обводил суконкой и ставил на стул то одну, то другую ногу. – Пардон, – сказал телеграфист – я ухожу скоро [Зоценко, 1936, с. 322–323].

2.4. Антонимическая подмена

Другим приемом творческой правки, которая может рассматриваться как стилистический прием в целях сокрытия подлинного замысла от цензуры, служит замена прямого высказывания антифразисом (замещение слова его антонимом). Ср. в повести «Сирень цветет»:

*И описывает события не с планеты Марс, а с нашей **окаянной землишки**, с нашего восточного полушария... [Зоценко, 1930, с. 45] → И описывает события не с планеты Марс, а с нашей **уважаемой Земли**, с нашего восточного полушария... [Зоценко, 1936, с. 173];*

*Так просто и славно происходит течение нашей жизни, и так ведется скромная, **незаметная** работа нашего организма [Зоценко, 1930, с. 60] → Так просто и славно происходит течение нашей жизни, и так ведется скромная, незаметная, **героическая** работа нашего организма [Зоценко, 1936, с. 187];*

*Напротив, жизнь таких обыкновенных людей еще более **непонятна**, еще более достойна удивления [Зоценко, 1930, с. 112] → Напротив, жизнь таких обыкновенных людей еще более **понятна**, еще более достойна удивления [Зоценко, 1936, с. 207].*

В этих примерах повествователь выражает мысль прямо противоположную той, какую хотел высказать. С помощью «антонимической подмены» [Крепс, 1986, с. 39], смысл контекста усложнен и двусмыслен. С одной стороны, нелогичная формулировка тонко демонстрирует неграмотность повествователя и его полуинтеллигентский статус. С другой стороны, сквозь повествование просвечивает ироническая интонация автора, комический эффект усиливается.

3. Идеологическая правка

«Каждая “сентиментальная” повесть – книга судьбы: в ней и есть жизнеописание героя, и роковые обстоятельства. Роковые обстоятельства создаются безвыходностью отношений героя со средой» [Белая,

1995, с. 9]. В повестях экзистенциальные мотивы занимают доминирующее место, большинство героев испытывают страх, тревогу перед непрочностью существования и неведомой судьбой. В варианте 1936 г. было добавлено немало изменений, дополняющих и расширяющих экзистенциальную проблематику.

Первый тип переработок связан с философской исповедью: «как жить». В «Аполлоне и Тамаре» был добавлен отрывок:

Он сознавал, ему не понять, как надо было жить и какую ошибку он совершил в своей жизни. Да и была ли эта ошибка? Может быть, никакой ошибки и не было, а была жизнь, простая, суровая и обыкновенная, которая только двум или трем человекам из тысячи позволяет улыбаться и радоваться. Однако все огорчения были теперь позади. И счастливое спокойствие не покидало больше Аполлона Семеновича... [Зоценко, 1936, с. 71].

Ср. также:

И он хотел тотчас пойти к ней и сказать, что не она виновата, а он сам виноват. Но не пошел [Зоценко, 1923а, с. 95] → И он хотел тотчас пойти к ней и сказать, что не она виновата, а он сам виноват, что он сам совершил ошибку в своей жизни. Но не пошел, потому что он не знал, в чем заключалась его ошибка [Зоценко, 1936, с. 66].

Психологическая детализация смешивается с размышлением героя над смыслом бытия.

Второй тип переработок заостряет трагедию неразрешимых противоречий прошлого и настоящего. В «Людях» были добавлены фрагменты:

Он, оказывается, получил глупое и бестолковое воспитание, рассчитанное на богатую, обеспеченную жизнь помещика и домовладельца. И вот теперь, когда у него ничего нету, – он пожинает плоды [Там же, с. 89];

Зачем ему какой-то дурацкий интеллигентский труд! Вот чудная профессия, которая даст ему новую радость жизни. Кому надо какой-то испанский язык, какие-то уточенные мозги и так далее [Там же, с. 92];

Ушла жена. И она не могла не уйти. Он – человек из прошлого мира. Он оказался неприспособленным к борьбе. А женщины идут за победителем, ну что же, теперь все это ясно, теперь уже ничто не спасет его от неминуемой гибели [Там же, с. 100].

Чем четче осмысливается невозвратность и неприспособленность прошлого к настоящему, тем больше страдает человек старого мира.

Третий тип переработок связан с проблемой случайности бытия. В «Страшной ночи» был добавлен отрывок: *Ему вдруг показалось, что жизнь не так уж тверда в своем величии, как это рисовалось ему раньше. Он всегда боялся случайности и старался этого избегать, но тут ему показалось, что жизнь как раз и наполнена этой случайностью...* [Зощенко, 1936, с. 116]. Мотив случайности углублен в философской исповеди.

4. Правка, сделанная в ходе самоцензуры

Уже в 1920-е гг. выживание сатиры как мелкого жанра более сомнительно. «Сатира в советское время рассматривается как мелкий, неактуальный, вырождающийся жанр» [Крепс, 1986, с. 204]. В контексте модернизации и пропаганды светлого будущего сатира неуместна, она постепенно становится неприемлемой для господствующей идеологии. В 1927 г. состоялось совещание, на котором «были высказаны мысли о ненужности сатирических журналов и предложение частично слить их с другими, частично ликвидировать» [Там же, с. 197]. «В 1929–30 годах полемика насчет сатиры развернулась особенно ожесточенно на страницах “Литературной газеты” и других периодических изданий» [Там же, с. 191], в то же время почти все сатирические журналы Ленинграда были закрыты, в частности закрыты журналы «Пушкин», «Бегемот», «Смехач», с которыми активно сотрудничал Зощенко.

Любопытно, что пик популярности Зощенко совпал с периодом его критики. Тираж его произведений за 1925–1930 гг. составлял более 1,5 млн экземпляров, популярность Зощенко была ошеломительной. Однако тема «маленького человека», к которой писатель часто обращался, навлекла на себя внимание критиков РАППа и наиболее активных читателей. «В “Письмах к писателю” читатели заявляли о своем желании увидеть в произведениях Зощенко не только критику пороков современного общества, но и отражение светлых сторон жизни» [Жолнина, 2007, с. 21].

Из-за давления читателей и критиков, а также сложных политических условий были устранены чувствительные, «нездоровые» мысли, сделаны сокращения «пессимистичных» фраз, всему повествованию придавался более «оптимистичный» оттенок.

Небольшой правке, дающей более светлое представление действительности, подверглись фразы:

Жизнь в городе изменилась, а в общем люди жили по-прежнему. По-прежнему, и даже с большей силой, боролись за право свое – прожить: мошенничали, грабили и плутовали [Зощенко, 1923а, с. 88] →

*Жизнь в городе **чрезвычайно** изменилась. Наступившая революция стала создавать новый быт. Но жить было не легко. И люди боролись за право свое прожить* [Зоценко, 1936, с. 60].

Вполне очевидна политическая неуместность отредактированного фрагмента в контексте строительства послереволюционного быта.

Кроме того, из текстов выпадало множество «политнекорректных» фрагментов, описывающих мошенничество, спекуляцию, аполитичность, консервацию дореволюционных норм быта. Так, в «Козе» была элиминирована фраза: *не поинтересуется общественным значением* [Зоценко, 1923б, с. 153]. В «Страшной ночи» убран отрывок: *Уважаемые критики. А впрочем, от всего этого дело никак не изменяется. И такая акварельная картина городской нашей провинциальной жизни остается в неизменности. Грустно, товарищи!* [Зоценко, 1925, с. 134].

Значительную долю исправлений составляет замена обстоятельств меры и степени, имеющих значение абсолютной негации, аналогичными обстоятельствами частичной негации. Правка делает формулировку менее директивной, категоричной, поэтому соответствующей требованию цензуры о более положительном описании советской жизни. Персонаж/рассказчик Коленкоров – это средний интеллигентский тип, живущий на переломе двух эпох, носитель идеологических противоречий и меланхолик. Нейтрализация его меланхолического мировоззрения в той или иной мере противоречит первоначальным авторским интенциям, реализованным в ранней редакции:

В «Страшной ночи»:

*И **нету** стремительности фантазии* [Там же, с. 133] → ***Не всегда** можно увидеть эту стремительность фантазии* [Зоценко, 1936, с. 110].

В «Аполлоне и Тамаре»:

Есть ли в жизни у него назначение и если нет, то не является ли жизнь бессмысленной? [Зоценко, 1923а, с. 80] → *Есть ли в жизни у него назначение, и если нет, то не является ли жизнь, **вообще говоря, отчасти** бессмысленной?* [Зоценко, 1936, с. 53];

*Он думал о **бессмысленном** человеческом существовании, <...> и о том, что человечество, весь мир, должен изменить свою жизнь* [Зоценко, 1923а, с. 93] → *Он думал о человеческом существовании, <...> и о том, что человечество, весь мир, должны изменить свою жизнь **для того, чтоб найти покой и счастье, и для того, чтобы не подвергаться таким страданиям, как произошло с ним*** [Зоценко, 1936, с. 64].

Сокращенное слово «бессмысленность» в контексте жестокой цензуры политически нецелесообразно, было результатом цензуры либо самоцензуры Зощенко. В этом примере последняя фраза, выделенная жирным шрифтом, носит дидактический характер. Это может быть либо самоцензурой, либо результатом изменения отношения писателя к сатире: «Со второй половины 1920-х годов мысль об “оптимистической сатире” не оставляет Зощенко. Как Гоголь, Зощенко задумывается об учительной роли литературы, о проповеднической функции писателя» [Жолнина, 2007, с. 60].

5. Заключение

1. В последнем издании при жизни автора стилистические изменения сделаны во многом не по свободной воле автора, а продиктованы требованиями читателей, критиков, цензуры. Например, просторечия и разговорные слова, имеющие комическую нагрузку, заменены на более литературные, чем нивелировало своеобразие зощенковского языка. С другой стороны, помимо стилистической, налицо и содержательная правка, к которой можно отнести психологическую детализацию, «антонимические подмены» и амплификацию экзистенциально-рефлексивных фрагментов. Изменения такого рода увеличивают философичность повестей и объемность образа персонажей.

2. Вследствие ужесточения цензуры Зощенко вносил изменения в издание 1936 г. в двух основных направлениях: во-первых, последовательно сокращались политически чувствительные формулировки, такие как «критика», «неизменность послереволюционной жизни», «манипуляция», «мошенничество», «спекуляция», «бессмысленность», расставлялись акценты на вовлеченности советских людей в общественную деятельность. Во-вторых, абсолютная негация заменялась частичной, сокращались фразы, обозначающие пессимистическое мировоззрение, что придавало повествованию более оптимистический колорит.

Библиографический список / References

Белая, 1995 – Белая Г.А. Экзистенциальная проблематика творчества М. Зощенко // Литературное обозрение. 1995. № 1. С. 4–13. [Belaya G.A. Existential problems of M. Zoshchenko's creativity. *Literaturnoe obozrenie*. 1995. No. 1. Pp. 4–13. (In Rus.)]

Вьюгин, 2001 – Вьюгин В. Ю. Повесть «М.П. Синягин». К творческой истории произведения // Михаил Зощенко. Материалы к творческой истории. Кн. 2. СПб., 2001. С. 11–70. [Vyugin V.Yu. The story “M.P. Sinyagin”. To the creative

history of the work. *Mikhail Zoshchenko. Materialy k tvorcheskoy istorii*. Vol. 2. St. Petersburg, 2001. Pp. 11–70. (In Rus.)]

Ершов, 1973 – Ершов Л.Ф. Из истории советской сатиры. М. Зоценко и сатирическая проза 20–40-х гг. Л., 1973. [Ershov L.F. Iz istorii sovetskoi satiry. M. Zoshchenko i satiricheskaya proza 20–40-kh gg. [From the history of Soviet satire. M. Zoshchenko and satirical prose of the 1920s–1940s]. Leningrad, 1973.]

Жолнина, 2007 – Жолнина Е.В. «Голубая книга» М.М. Зоценко: текст и контекст: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. [Zholnina E.V. “Golubaya kniga” M.M. Zoshchenko: tekst i kontekst [“The Blue Book” by M.M. Zoshchenko: Text and context]. PhD dis. St. Petersburg, 2007.]

Зоценко, 1923а – Зоценко М. Аполлон и Тамара // Рассказы. Пг., 1923. С. 78–101. [Zoshchenko M. Apollon i Tamara [Apollo and Tamara]. *Rasskazy*. Petrograd, 1923. Pp. 78–101. (In Rus.)]

Зоценко, 1923б – Зоценко М. Коза // Альманах артели писателей. Кн. 1. М.; Л., 1923. С. 135–156. [Zoshchenko M. Koza [The goat]. *Al'manakh arteli pisatelei*. Vol. 1. Moscow; Leningrad, 1923. Pp. 135–156. (In Rus.)]

Зоценко, 1925 – Зоценко М. Страшная ночь // Литературно-художественный альманах. Ковш. Кн. 1. Л., 1925. С. 132–144. [Zoshchenko M. Strashnaya noch [Terrible night]. *Literaturno-khudozhestvennyi almanakh. Kovsh*. Vol. 1. Leningrad, 1925. Pp. 132–144. (In Rus.)]

Зоценко, 1927 – Зоценко М. О чем пел соловей. Сентиментальные повести. М.; Л., 1927. [Zoshchenko M. O chem pel solovei. Sentimentalnye povesti [What the nightingale sang about. Sentimental stories]. Moscow; Leningrad, 1927.]

Зоценко, 1936 – Зоценко М. Избранные повести. Л., 1936. [Zoshchenko M. Izbrannye povesti [Selected stories]. Leningrad, 1936.]

Зоценко, 2015 – Зоценко М. Литература должна быть народной // Михаил Зоценко: Pro et contra, антология. СПб., 2015. С. 67–74. [Zoshchenko M. Literature should be the people's. *Mikhail Zoshchenko: Pro et contra, antologiya*. St. Petersburg, 2015. Pp. 67–74. (In Rus.)]

Крепс, 1986 – Крепс М.Б. Техника комического у Зоценко. Нью-Йорк, 1986. [Kreps M.B. Tekhnika komicheskogo u Zoshchenko [The technique of the comic in Zoshchenko]. New York, 1986.]

Сарнов, 1994 – Сарнов Б.М. Развивая традиции Прокруста (Михаил Зоценко и его редакторы) // Вопросы литературы. 1994. Вып. II. С. 45–91. [Sarnov B.M. Developing the traditions of Procrustes (Mikhail Zoshchenko and his editors). *Voprosy literatury*. 1994. Issue II. Pp. 45–91. (In Rus.)]

Сухих, 2008 – Сухих И. Предисловие и комментарии // Зоценко М. Собрание сочинений в 7 т. М., 2008. [Sukhikh I. Preface and comments. *Zoshchenko M. Sobraniye sochineniy v 7 t.* Moscow, 2008. (In Rus.)]

Чудакова, 1979 – Чудакова М.О. Поэтика Михаила Зоценко. М., 1979. [Chudakova M.O. Poetika Mikhaila Zoshchenko [The Poetics of Mikhail Zoshchenko]. Moscow, 1979.]

Об авторе / About the author

Бао Тинтин – аспирантка кафедры истории русской литературы филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет

Tingting Bao – postgraduate student at the History Russian Literature Department of the Philological Faculty, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4000-5503>

E-mail: btt4896@gmail.com